

ЖУРНАЛЪ

1-й экз. ✓

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

І Ю Л Ъ.

1860.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СѢІІ.

7-9

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1860.

I.

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА.

ТРУДЪ

ВЪ ЕГО ПСИХИЧЕСКОМЪ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

Политико-экономическое значеніе труда вполнѣ уяснено наукою и ему давно уже отведено почетное мѣсто между природою и капиталомъ. Къ этому значенію труда, кидающемуся въ глаза повсюду, куда только ни поглядишь, мы не можемъ ничего прибавить. Намъ кажется только, что и въ экономическомъ отношеніи трудъ долженъ быть поставленъ во главѣ двухъ другихъ содѣятелей человѣческаго богатства, природы и капитала, а не рядомъ съ ними. Если природа существуетъ и производитъ богатства, годныя для человѣка, независимо отъ труда; то нельзя не видѣть, что человѣкъ, открывая законы природы и овладѣвая ея силами, заставляетъ ихъ дѣлать нѣчто совершенно новое; капиталъ-же есть не болѣе, какъ созданіе труда, не ограничивающагося удовлетвореніемъ настоящихъ потребностей. Но безъ труда природныя богатства и обиліе капиталовъ оказываютъ губельное вліяніе не только на нравственное и умственное развитіе людей, но даже и на ихъ состояніе.

Природное богатство острововъ Индѣйскаго архипелага оставило человѣка нагимъ, дикимъ и безсильнымъ; драгоценн

ности обѣихъ Индій, не смотря на все богатство природныхъ качествъ испанца, убили могучіе зародыши испанской цивилизаціи: голландскіе рыбаки, загнанные на пустынную отмель, отняли себѣ землю у морскихъ волнъ и положили начало европейскимъ капиталамъ.

Въ настоящее время мы видимъ еще болѣе разительный примѣръ значенія труда въ жизни народовъ. Сравните сѣверные и южные штаты сѣверной Америки за сто лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время. Природа, капиталы, образованность населенія — все было на сторонѣ южныхъ штатовъ еще не задолго до войны за независимость: одинъ упорный, можно даже сказать, страстный трудъ англійскихъ изгнанниковъ составлялъ преимущество сѣверныхъ колоній. Привозъ негровъ освободилъ жителя южныхъ штатовъ и отъ послѣдней необходимости *личнаго* труда — и какіе результаты! Въ крошечномъ Родъ-Айландѣ сумма образованія вдвое болѣе, чѣмъ во всѣхъ невольничьихъ штатахъ, взятыхъ вмѣстѣ! Самое существованіе южнаго плантатора основано на нарушеніи кореннаго закона христіанства и всякій новый шагъ цивилизаціи неудержимо приближаетъ его къ гибели. Онъ долженъ сдѣлаться защитникомъ торга людьми, безнравственности, дикости, невѣжества, бѣдности и одолѣть въ этой нечеловѣческой борьбѣ — или приняться вновь строить свою жизнь. Какое страшное, отвратительное положеніе! Вотъ къ чему довели жителей южныхъ штатовъ ихъ богатая природа, большіе, ненажитые личнымъ трудомъ капиталы и полуобразованность, пренебрегшая трудомъ.

Но ясно, что въ этихъ примѣрахъ отсутствіе личнаго труда дѣйствовало не тѣмъ, что уменьшало количество производимыхъ цѣнностей: открой Испанія рудники Калифорніи и Австраліи, — это только уронило-бы ее еще глубже. Американскіе плантаторы еще богаты и защитники невольничества еще очень сильны; но образованіе, нравственность, та жизненная энергія, которая горитъ въ грубомъ жилищѣ западнаго

фермера, покинула уже навсегда роскошныя плантаціи южныхъ штатовъ, воздѣлываемыя руками негровъ. Недавно еше рыцарскіе нравы жителей Виргиніи обращали на себя вниманіе путешественниковъ; теперь они исчезли и замѣнились замѣчательною грубостью: соотечественникъ Вашингтона, вмѣсто слова, подымаетъ палку въ сенатѣ, хватается за подкупъ или ножъ тамъ, гдѣ нельзя доказать своего права. Къ такимъ дикимъ, варварскимъ поступкамъ приводитъ южнаго плантатора необходимость доказать право торговать людьми.

Но еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что свободный трудъ нуженъ человѣку самъ по себѣ, для развитія и поддержанія въ немъ чувства человѣческаго достоинства, представляетъ намъ римская исторія.

Припомните характеръ римскаго гражданина въ тотъ періодъ, когда онъ изъ-за сохи переходилъ къ занятіямъ консула и диктатора, и сравните его съ характеромъ римскаго обжоры временъ Домиціана, когда цѣлый міръ присылалъ въ вѣчный городъ изысканнѣйшія произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ и когда всякое занятіе считалось предосудительнымъ не только для римскаго вельможи, но и для оборванца римской черни; когда тысячи рабовъ не только избавляли римлянина отъ необходимости что-нибудь дѣлать, но даже что-нибудь думать; а толпы германскихъ наемниковъ снимали съ него обязанность самому защищать свое отечество. Нечего говорить уже о нравственномъ достоинствѣ римлянъ въ этотъ періодъ: картины, набросанныя Тацитомъ, даже теперь кажутся невѣроятными. Рабы, избавивши римлянина отъ необходимости трудиться, сдѣлали его самаго такимъ добровольнымъ рабомъ, какихъ ни послѣ, ни прежде никогда не представляла исторія. Но этого мало: въ который изъ этихъ періодовъ былъ счастливѣе римлянинъ? Тогда-ли, когда онъ самъ пахалъ землю, а жена его ткала ему одежду, или когда онъ въ одинъ обѣдъ пожиралъ годовые доходы азіатскихъ царствъ, когда онъ безъ помощи другихъ даже не ѣлъ, не ходилъ и не думалъ?

Изумительное, непостижимое для насъ равнодушіе къ жизни проглядываетъ, подобно какому-нибудь адскому страшилищу, въ безчисленныхъ картинахъ самоубійства, изображаемыхъ Тацитомъ. Вся жизнь Рима послѣднихъ вѣковъ представляется одною мрачною оргіею, въ которой столько-же несчастія и душевныхъ неизлѣчимыхъ страданій, сколько разврата, рабства, ненажитаго личнымъ трудомъ богатства и роскоши, не приносящей счастья. Почти можно выставить такую мысль: на сколько Римъ былъ богаче, на столько онъ былъ развратнѣе и несчастнѣе.

Но не показываетъ-ли намъ и современное положеніе западнаго общества, что увеличеніе массы богатства, не ведетъ еще за собою увеличенія массы счастья? Не видимъ-ли мы, напротивъ, на каждомъ шагу, что вліяніе богатства прямо дѣйствуетъ разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастье общества, *если это общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска приливающего богатства?*

Дурную услугу оказалъ-бы государству тотъ, кто нашелъ-бы средство отпускать ему ежегодно всю ту сумму денегъ, которая необходима его гражданамъ для покупки за границею всего, что нужно для самой роскошной жизни.

Еслибы люди открыли философскій камень, то бѣда была-бы еще не велика: золото перестало-бы быть монетою. Но еслибы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго высккиваетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполне замѣняющую всякій трудъ человѣка; словомъ, разомъ достигли тѣхъ результатовъ, которыхъ добиваются техники и политико-экономы, то самое развитіе человѣчества остановилось-бы: развратъ и дикость завладѣли-бы обществомъ, самое общество распалось-бы и не одна политическая экономія (къ чему-бы она служила тогда?) была-бы вычеркнута изъ списка человѣческихъ знаній: съ уничтоженіемъ необходимости личнаго труда сама исторія должна прекратиться.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ то-же самое: какъ только необходимость труда — будетъ-ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская — покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ оно и начинаетъ быстро терять силу, нравственность, а, наконецъ, и самое вліяніе; начинаетъ быстро выражаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ вмѣстѣ съ трудомъ и энергія, и нравственность, и счастье.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то-же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически-повторяющимся явленіемъ. Отецъ, человекъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться и, наконецъ, оставляетъ имъ обеспеченное состояніе. Что-же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губитъ ихъ умственныя способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными; такъ-что если сравнить счастье отца, тяжкимъ, упорнымъ трудомъ нажившаго состояніе, и дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между-тѣмъ бѣднякъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться, — бился цѣлую жизнь, чтобы разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастье невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно? — были-бы деньги! Пусть-де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и счастье сами сыщутъ бѣдняка; а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, исходя

отъ человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга; но собственной своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ. *Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья.* Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ, на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелку, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, губитъ Южные Штаты, выраждаетъ словія, уничтожаетъ роды и лишаетъ нравственности и счастья многія тысячи людей.

Такое значеніе труда коренится въ его психической основѣ; но прежде чѣмъ выразить психологическій законъ труда, мы должны еще сказать, что разумѣемъ подъ словомъ трудъ, потому что значеніе этого слова извратилось услужливыми толкованіями свѣта, облакающаго этимъ серьезнымъ, честнымъ и почетнымъ именемъ иногда вовсе не свѣтлыя, не серьезные, не честныя и не почетныя дѣйствія.

Трудъ, какъ мы его понимаемъ, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни.

«Всякое опредѣленіе опасно», говорили римляне, и мы не признаемъ нашего неуклюжаго опредѣленія неуязвимымъ; но намъ хотѣлось отличить въ немъ разумный трудъ взрослого человѣка, съ одной стороны, отъ работы животныхъ и работы

негровъ изъ подъ палки; а съ другой, отъ забавъ малыхъ и взрослыхъ дѣтей. Машина и животное работаютъ; работаетъ и негръ, боящійся только плети надсмотрщика и не ожидающій для себя никакой пользы изъ своей работы: несвободный трудъ не только не возвышаетъ нравственно челоуѣка, но низводитъ его на степень животнаго. Трудъ только и можетъ быть свободнымъ, если челоуѣкъ самъ принимается за него по сознанію его необходимости; трудъ-же, вынужденный на пользу другому, разрушаетъ челоуѣческую личность того, кто трудится или, вѣрнѣе сказать, работаетъ. Не трудится и капиталистъ, придумывающій только какъ-бы прожить доходъ съ своего капитала. Купецъ, надувающій покупателя, чиновникъ набивающій карманъ чужими деньгами, шулеръ, въ потѣ лица поддѣлывающій карты, — плутуютъ. Богачъ, сбивающійся съ ногъ, чтобы задать балъ на удивленіе, пересѣсть своего пріятеля, стащить соблазняющую его бирюльку — играетъ, но не трудится, и его дѣятельность, какъ-бы она тяжела для него ни была, нельзя назвать трудомъ, точно также, какъ и игру дѣтей въ куклы, въ бирюльки, въ солдатки. Скряга, работающій изъ всѣхъ силъ, чтобы набить свой сундукъ блестящими кружочками — безумствуетъ, но также не трудится. Есть и такіе господа, которые, не имѣя уже рѣшительно никакого дѣла въ жизни, придумываютъ себѣ занятіе ради душевнаго и тѣлеснаго моціона: точатъ, играютъ въ билліардъ или просто бѣгають по улицамъ, чтобы доканать пышный завтракъ и возвратить аппетитъ къ обѣду; но такой трудъ имѣетъ тоже значеніе, какое имѣло рвотное за столомъ римскаго обжоры: возбуждая обманчивую охоту къ новымъ наслажденіямъ, оно помогаетъ разстроивать душевный и тѣлесный организмъ челоуѣка. Трудъ — не игра и не забава; онъ всегда серьезень и тяжелъ; только полное сознаніе необходимости достичь той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить челоуѣка взять на себя ту тяжесть, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда.

Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому-что другаго труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣеть такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка; но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. *Безъ личнаго труда человекъ не можетъ идти впередъ; не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ; но долженъ идти назадъ.* Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему-бы то ни было, у человѣка не окажется своего личнаго труда жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ за живого; потому-что трудъ — личный, свободный трудъ — и есть жизнь.

«Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой!» сказалъ Господь человѣку, оставляя его за вратами рая и открывая передъ нимъ широкую землю:—трудъ сдѣлался довершительнымъ закономъ человѣческой природы, тѣлесной и духовной, и человѣческой жизни на землѣ, отдѣльной и въ обществѣ, необходимымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, его человѣческаго достоинства, его свободы и, наконецъ, его наслажденій и его счастья.

Что физическій трудъ необходимъ для развитія и поддержанія въ тѣлѣ человѣка физическихъ силъ, здоровья и физическихъ способностей, этого доказывать нѣтъ надобности. Но необходимость умственнаго труда для развитія силъ и здороваго, нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла не всѣми сознается ясно. Многіе, напротивъ, думаютъ, что умственный трудъ вредно дѣйствуетъ на организмъ,—что совершенно

несправедливо. Конечно, чрезмерный умственный труд вреден; но и чрезмерный физический труд также разрушительно действует на организм. Однакоже можно доказать множеством примѣровъ, что бездѣйствіе душевныхъ способностей и при физическомъ трудѣ оказываетъ вредное вліяніе на тѣло человека. Это неоднократно было замѣчено на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ работники являются дополненіями машины, такъ-что занятіе ихъ не требуетъ почти никакого усилія мысли. Да это и не можетъ быть иначе, потому-что тѣлесный организмъ человека приспособленъ не только для тѣлесной, но и для духовной жизни. Всякій-же умственный трудъ, на-оборотъ, приводя въ дѣйствіе нервную систему, дѣйствуетъ благотворно на обращеніе крови и на пищевареніе. Люди, привыкшіе къ трудовой кабинетной жизни, чувствуютъ возбужденіе аппетита скорѣе послѣ умереннаго умственнаго труда, чѣмъ послѣ прогулки. Конечно, умственный трудъ не можетъ развить мускуловъ; но дѣятельность и особенная живость нервной системы замѣняетъ этотъ недостатокъ. И если умственная дѣятельность не избавляетъ совершенно отъ необходимости движенія, то значительно уменьшаетъ эту необходимость. Человекъ безъ умственныхъ занятій гораздо сильнѣе чувствуетъ вредъ сидячей жизни. Это въ-особенности замѣтно на тѣхъ ремесленникахъ, ремесла которыхъ, не требуя значительныхъ физическихъ усилій, требуютъ сидячей жизни и весьма мало умственной дѣятельности. Смотря на блѣдные, восковыя лица портныхъ, невольно желаешь всеобщаго введенія швейной машины.

Сильное развитіе нервной системы умственнымъ трудомъ даетъ необыкновенную живучесть тѣлу человека. Между учеными въ-особенности встрѣчается много людей, доживающихъ до глубокой старости, и люди, привыкшіе къ умственнымъ трудамъ, выносятъ перемѣну климатовъ, дурной воздухъ, недостатокъ пищи, отсутствіе движенія не хуже, а часто и лучше людей, у которыхъ сильно развиты мускулы, но слабо и вяло дѣйствуютъ нервы. Причины этого надобно искать въ томъ важ-

номъ значеніи, которое имѣетъ нервная система въ жизни остальныхъ системъ человѣческаго организма, и въ томъ участіи, которое принимаетъ она во всѣхъ его отправленіяхъ.

Конечно всего полезнѣе было-бы для здоровья человѣка, еслибы физическій и умственный трудъ соединялись въ его дѣятельности; но полное равновѣсіе между ними едва-ли необходимо. Человѣческая природа такъ гибка, что способна къ величайшему разнообразію образа жизни. Самый сильный перевѣсъ труда умственнаго надъ физическимъ, и наоборотъ, скоро переходитъ въ привычку и не вредитъ организму человѣка: только совершенныя крайности въ этомъ отношеніи являются гибельными. Кромѣ-того, при нынѣшнемъ состояніи общества, трудно представить себѣ такой образъ жизни, въ которомъ-бы трудъ физическій и умственный уравновѣшивались: одинъ изъ нихъ будетъ только отдыхомъ.

Но если для тѣла необходимъ личный трудъ; то для души онъ еще необходимѣе.

Кто не испыталъ живительнаго, освѣжающаго вліянія труда на чувства? Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглощавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди добрѣе? Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча, бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда — тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей праздныхъ и романическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать. Читая какой-нибудь великосвѣтскій романъ, гдѣ бѣдная героиня, эфирное и совершенно праздное существо, томится неизъяснимой тоской, намъ всякій разъ кажется, что эта тоска исчезла-бы сама собою, если-бы героиня вынуждена была потрудиться. Романисты въ-особенности любятъ такія праздныя существа именно потому, что здѣсь-то и вырастаетъ весь тотъ бурьянъ страстей, прихотей, капризовъ, неизъяснимыхъ страданій, въ которомъ такъ привольно блуждать туманному воображенію, невыносящему свѣта дѣйствительности.

Но человекъ скоро забываетъ, что труду былъ обязанъ минутами высокихъ наслажденій и неохотно покидаетъ ихъ для новаго труда. Онъ какъ-будто не знаетъ неизмѣннаго психическаго закона, что наслажденія, если они не сопровождаются трудомъ, не только быстро теряютъ свою цѣну; но также быстро опустошаютъ сердце человекъ и отнимаютъ у него одно за однимъ всѣ его лучшія достоинства. Трудъ непріятенъ намъ, какъ узда, накинутая на наше сердце, стремящееся къ вѣчному, невозмутимому счастью; но безъ этой узды сердце, предоставленное необузданности своихъ стремленій, сбивается съ дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигаетъ бездонной пропасти ни чѣмъ неутолимой скуки и мрачной апатіи,—если-же оно мелко, то будетъ погружаться день за днемъ, тихо и незамѣтно, въ тину мелкихъ недостойныхъ человекъ хлопотъ и животныхъ инстинктовъ.

Этотъ неизмѣнный законъ труда каждый легко можетъ испытать на самомъ себѣ въ той потребности мѣнять наслажденіе, которая оказывается весьма скоро послѣ того, какъ трудъ покидаетъ человекъ. Потребность этой мѣны доказываетъ уже, что человекъ не способенъ *только* наслаждаться. Это палліативное средство удерживать въ сердцѣ наслажденіе, само быстро теряетъ свою силу. Чѣмъ больше человекъ мѣняетъ наслажденія, тѣмъ кратковременнѣе каждое изъ нихъ приноситъ ему удовольствіе. Мѣна неудержимо дѣлается все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, превращается въ какой-то вихрь, быстро опустошающій сердце. Если-же человекъ по природѣ своей способенъ предаваться какому-нибудь *одному* наслажденію; то это наслажденіе дѣлаетъ его рабомъ своимъ и мало-по-малу низводитъ на крайнюю ступень человѣческаго униженія. Напрасно человекъ старается ввести нѣкоторый порядокъ и мѣру въ свои наслажденія; не смотря на этотъ порядокъ, они быстро теряютъ свою цѣну и настойчиво требуютъ переменны, или одно изъ нихъ требуетъ усиленія и, не останавливаясь на одной ступени, увлекаетъ за собою человекъ въ бездну ду-

шевной и тѣлесной гибели. Такъ, на примѣръ, дѣйствуетъ привычка къ вину, къ опиуму, къ разврату, къ пустой свѣтской жизни, къ картамъ и проч. Человѣкъ неудержимо увлекается этимъ вихремъ, пока онъ не выброситъ изъ сердца его послѣдней человѣческой идеи и послѣдняго человѣческаго чувства.

Этотъ психическій законъ, по которому наслажденія должны уравниваться трудомъ, прилагается къ наслажденіямъ всякаго рода, какъ-бы они возвышены и благородны ни были. Возьмемъ, на примѣръ, наслажденіе искусствомъ: полнота и постоянство этого благороднаго наслажденія покупается также трудомъ. Только художникъ, посвятившій всю жизнь свою художническому труду, можетъ вполне, постоянно и безопасно наслаждаться произведеніями художества. Но если онъ броситъ трудъ, если перестанетъ изучать законы художественнаго творчества, а станетъ только любоваться; то наслажденіе быстро начнетъ утрачивать для него свою силу и, наконецъ, совершенно исчезнетъ. Дѣлаясь развлеченіемъ отъ скуки, наслажденіе искусствами быстро перестаетъ быть наслажденіемъ, а скоро потомъ перестаетъ быть и развлеченіемъ. Страстные собиратели картинъ и статуй начинаютъ можетъ быть наслажденіемъ, но оканчиваютъ пустѣйшимъ тщеславіемъ, и дорогая картина, которая могла-бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія и изученія для художника, дѣлается часто вредною для души богача, который ее купилъ. Поэзія, музыка, живопись, ваяніе могутъ быть, или отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человѣка; когда онѣ дѣлаются предметомъ праздної прихоти, тогда не только теряютъ всю свою развивающую силу; но дѣйствуютъ отрицательно на нравственное и умственное совершенство.

Но пойдѣмъ еще выше, до самой высокой ступени человѣческихъ наслажденій. Удовлетвореніе благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго сердца, подвиги великодушія, патріотизма, любви къ человѣчеству совершаются не для наслажденій и дарятъ человѣка только мгновеннымъ счастіемъ, которое блес-

нетъ, какъ искра, и исчезнетъ. Если-же человѣкъ захочетъ взять болѣе обильную дань съ своего благороднаго подвига, остановить эту чарующую искру, то она не только немедленно начнетъ тускнѣть, но, потухнувъ, наполнитъ сердце его смрадомъ тщеславія и самымъ пошлымъ самодовольствіемъ. Если-же вопреки этому человѣкъ все будетъ усиливаться остановить потухающее наслажденіе, то выйдетъ еще хуже: онъ можетъ остановиться на постоянномъ созерцаніи своихъ мнимыхъ или даже и истинныхъ добродѣтелей и сдѣлаться самымъ несноснымъ, самымъ бесполезнымъ существомъ и безвозвратно погибнуть нравственно.

Но возьмемъ самое спокойное, самое продолжительное изъ наслажденій, наслажденіе семейнымъ счастьемъ, и мы также увидимъ, что безъ труда и оно невозможно.

Вотъ два молодыхъ существа, которымъ судьба дала все, кромѣ необходимости трудиться и возможности сыскать трудъ жизни. Оба они хороши собой, богаты, молоды, добры и умны; оба страстно любятъ другъ друга и страстно желаютъ принадлежать другъ другу. Наконецъ, желаніе ихъ исполняется. Они *плаваютъ* въ блаженствѣ; но долго-ли продолжается это плаваніе? Увы, очень недолго! Скоро притупляется чувство удовлетворенной страсти, и въ промежутки наслажденій незамѣтно начинаетъ закрадываться скука.

Жена создана Богомъ помощницей мужу; но въ чемъ-же она будетъ помогать ему, если онъ и самъ ничего не дѣлаетъ? Такимъ образомъ главное назначеніе жены не можетъ быть выполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу исчезаетъ и самое значеніе брака. Чувство любви притупляется: какъ ни тормозитъ его супруги; оно продолжаетъ откликаться все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совсемъ умолкаетъ; а сердце не перестаетъ требовать счастья, наслажденій, каждую минуту и во всю долгую жизнь человѣка. Тогда оба супруга начинаютъ посматривать по сторонамъ, искать наслажденій внѣ домашней жизни, и вихрь свѣта быстро уноситъ ихъ въ разныя стороны. Появляются дѣти; но за дѣтьми есть ко-

му присмотрѣть и безъ матери; есть для этаго бонны, гувернантки и гувернеры. А отцу что дѣлать съ дѣтьми? Поласкать, когда прійдутъ, прогнать, когда надоѣдятъ—вотъ и все. Сердце же между-тѣмъ все не перестаетъ требовать жизни и счастья, каждую минуту, долгіе дни, мѣсяцы и годы! Оба супруга, не находя счастья другъ въ другѣ, ищутъ его по сторонамъ: она—на балахъ, въ нарядахъ, въ романахъ, поджигающихъ исканіе счастья, въ кокетствѣ, въ отысканіи новаго чувства, новой любви; онъ—въ клубахъ, въ пирушкахъ, въ картахъ, рысакахъ, въ танцовщицахъ; еще одинъ шагъ, и святость брака разрушена, тотъ розовый вѣнокъ, котораго они такъ добивались, разорванъ, брошенъ, затоптанъ въ грязь и позабытъ на всегда. Такова судьба всѣхъ браковъ по страсти у людей, которымъ нечего дѣлать. Взгляните черезъ пять, шесть лѣтъ на такихъ супруговъ и вы даже не подумаете, что сильное чувство любви когда-то соединяло ихъ: ни признака какого-нибудь чувства! Въ простой крестьянской семьѣ, гдѣ мужъ выбиралъ въ женѣ только работницу, а она искала въ немъ кормильца и хозяйна, вы найдете часто гораздо болѣе и чувства и истинной супружеской привязанности. Они трудятся вмѣстѣ: ровно, дружно, какъ двѣ дышловыя лошади, поднимаютъ они тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, и всѣ ссоры и расчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно-возникающею необходимостью обоюднаго труда. Ихъ соединяетъ трудъ, и онъ-то свято поддерживаетъ слабую искру взаимнаго сочувствія и проводитъ ее безопасно черезъ всѣ ссоры и даже пороки и преступленія, которыя могутъ быть сдѣланы супругами другъ противъ друга, — проводитъ отъ алтаря до гробовой доски: такъ полно глубокаго смысла то выраженіе Библии, гдѣ Господь назначаетъ жену помощницею мужу; такъ оправдывается оно ежедневно передъ нашими глазами, и мы, если не хотимъ быть слѣпыми, то убѣдимся, что безъ труда, дѣльнаго, серьезнаго труда, семейное счастье есть ни что иное, какъ романическая химера. Читая въ какомъ-нибудь романѣ, какъ два, ничего не дѣлающія существа сгараютъ

взаимной страстью и какъ потомъ эта страсть увѣнчивается бракомъ, такъ и хочется спросить, что-же было послѣ? Шутка Теккерея, въ которой онъ дорисовываетъ картину Вальтеръ-Скота и знакомитъ насъ съ семейной жизнью Айвенъ-Го и Ровенны, внушена писателю глубокимъ знаніемъ сердца и острою наблюдательностью того, что на каждомъ шагу встрѣчается въ жизни.

Но этого мало: если мужъ трудится, чтобы добыть средства къ жизни, а жена только пользуется плодами его трудовъ, не раздѣляя самаго труда, то и тогда семейное счастье не возможно. Женщина, какъ кумиръ, вѣчно отдыхающая отъ лѣни, на ложѣ изъ розъ, самое нелѣпое созданіе развращеннаго воображенія французскихъ романистовъ. Такое понятіе о женщинѣ, весьма распространенное въ модномъ свѣтѣ, оскорбительно и для женщины и для мужчины.

Перебирая, такимъ образомъ, всѣ пріятныя ощущенія, которыя только дано испытывать человѣку на землѣ, мы видимъ много наслажденій и нигдѣ не находимъ счастья, потому-что именемъ счастья человѣкъ упорно называетъ идеальничѣмъ невозмутимаго и безконечнаго блаженства, которое-бы не унижало, но возвышало его человѣческое достоинство. Такого счастья нѣтъ на землѣ. Наслажденія, какъ-бы ихъ много ни было собрано въ одну жизнь, еще не счастье. Это только мишурная пыль съ крыльевъ того неуловимаго призрака, за которымъ упорно гонятся люди. Въ-замѣнъ счастья, потеряннаго за грѣхъ, данъ человѣку трудъ, и внѣ труда нѣтъ для него счастья. Трудъ есть единственно-доступное человѣку на землѣ и единственно — достойное его счастье. Блѣдный, дрожащій свѣтъ кидаетъ на нашу земную жизнь эта лампада, зажженная Творцемъ съ начала исторіи человѣчества; но потушите ее, и все одѣнется мракомъ. Наслажденія порхаютъ вокругъ нея, какъ золотые мотыльки, привлекаемые свѣтомъ, и чѣмъ ярче горитъ она, тѣмъ больше ихъ толпится; но потушите ее, и эти золотые мотыльки превратятся въ хищныхъ птицъ, ко-

торыя мигомъ расхватываютъ всё сокровища сердца и оставляютъ его на жертву пустотѣ и отчаянію.

Что-же это такое? спроситъ читатель: къ чему ведетъ эта рѣчь? не проповѣдь-ли это на азбучную истину, что *праздность есть мать всѣхъ пороковъ*? Но развѣ эта азбучная истина, которую въ первый разъ высказалъ какой-нибудь греческій мудрецъ, глубоко вдумавшійся въ жизнь человѣка, не превратилась для насъ въ пустую, непонятную фразу? Изъ чего-же видно, что эта азбучная фраза, надоѣвшая намъ на прописяхъ, понята нами, какъ глубокая и вѣчная, къ каждому изъ насъ приложимая истина? Не показываемъ-ли мы во всѣхъ нашихъ желаніяхъ, что эта истина не проникла до нашего сердца, что мы не вѣримъ тому, что она истина?

Много-ли можно встрѣтить между нами такихъ людей, которые не смотрѣли-бы на богатство, какъ на завидную привилегію ничего не дѣлать, а на трудъ, какъ на тяжелую и даже унижительную принадлежность бѣдности? Кто не желаетъ обезпечить возможность праздности для себя, или, по-крайней-мѣрѣ, для дѣтей своихъ? Самое образованіе дѣтей не ставитъ-ли большинство ниже ихъ независимаго состоянія? Мало-ли такихъ людей, которые смотрятъ на образованіе только какъ на средство добывать деньги, и видятъ-ли въ немъ люди богатые средство отыскать трудъ — не забаву, не украшеніе а дѣльный трудъ?

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его *не для счастья*, а готовить къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому-что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитанье должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни. Но таково-ли воспитаніе въ настоящее время?

Много-ли найдется матерей, которыя-бы не заботились устроить праздную жизнь для дочерей своихъ? Мало-ли есть

такихъ, которыя готовы купить для своихъ любимыхъ дочерей право праздности, продавъ ихъ молодость, красоту и горячее сердце такому человѣку, о которомъ знаютъ, что онъ не можетъ внушить никакой любви?

«Есть недугъ, его-же видѣхъ подь солнцемъ», говоритъ Экклезіастъ; «богатство хранимо отъ стяжателя во зло ему». Не много надобно наблюдательности, чтобы убѣдиться, что этотъ недугъ существуетъ и подь солнцемъ XIX столѣтія. Противъ этого-то недуга, какъ въ частномъ воспитаніи такъ и въ воспитаніи цѣлаго народа, должно бороться. Чѣмъ большія богатства ожидаютъ человѣка, тѣмъ болѣе онъ долженъ приготовиться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ къ тому, чтобы выдержать свое богатство.

Взгляните на крестьянина въ сѣрыхъ лохмотьяхъ, грязной рукой отирающаго потъ съ своего утомленнаго лица; давно уже носить онъ подь дождемъ тяжелую соху и съ самаго раняго утра топчетъ своими лаптями взмокшее поле; онъ промокъ до костей, горячій потъ на лице его смѣшивается съ холодными каплями осеняго дождя, руки его опадаютъ отъ усталости; онъ черенъ, угрюмъ, лицо его изрыто морщинами, которыя скорѣе похожи на борозды, проводимыя по полю его тяжелой сохой, чѣмъ на легкія черточки времени; весь онъ запачканъ грязью и облитъ потомъ. Но всмотритесь въ его физиономію, въ его усталые, задумчивые глаза, и вы найдете въ нихъ выраженіе человѣческаго достоинства, котораго напрасно стали-бы искать на бѣломъ, гладкомъ, румяномъ, какъ крымское яблоко, и, какъ атласъ, лоснящемся лицѣ сидѣльца въ енотовой шубѣ, похаживающаго около своей лавки. Отъ нечего дѣлать этотъ сочный господинъ заигрываетъ съ своимъ, такимъ-же разбухшимъ сосѣдомъ: морда толстаго кота, выглядывающая въ окно той-же лавки, глядитъ разумнѣе!

Но какъ ни бѣденъ крестьянинъ, одною сохою выбивающій себѣ насущный кусокъ хлѣба; какъ ни тяжелъ трудъ его и какъ ни скудно вознагражденіе, но когда послѣ долгаго рабочаго дня

онъ возвращается домой, то трудъ, какъ закатывающееся солнышко трудового дня, облекаетъ пурпуромъ и золотомъ самые скудные, самые грубые предметы, встрѣчающіе его дома. Не многосложна и духовная жизнь крестьянина; но она все-же есть, и въ ней много истинно-человѣческаго достоинства: онъ любитъ семью; въ воскресный день радостно затепливаетъ свѣчу передъ образомъ и, встрѣчая нищаго, ломаетъ пополамъ свою краюху хлѣба или вытаскиваетъ изъ-за голенища свой грязный кошелекъ, гдѣ лежатъ три мѣдныхъ копѣйки, добытыя тяжелымъ трудомъ.

Но вамъ кажется, что бѣднякъ стоитъ лучшей участи? Бросьте-же ему горсть золота, которая-бы разомъ избавила его отъ необходимости свободнаго труда и полюбуйтесь превращеніемъ.

Видите-ли вы этого расплывшагося негодяя? Его сальное и бессмысленное лицо, маленькіе заплывшіе глаза, исполненные хитрости, наглости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низкаго раболѣпства передъ вашей высокой особой, напоминаютъ вамъ и вашего приказчика и цѣловальника въ красной рубахѣ, и знакомаго вамъ содержателя постоялаго двора и разбухшаго купца—милліонера, котораго вы помните еще за прилавкомъ питейнаго дома, а можетъ быть и кого-нибудь изъ вашихъ друзей. Это тотъ-же самый крестьянинъ: онъ похитрѣлъ и въ то-же время погупѣлъ, сдѣлался жаденъ и жестокъ, обираетъ и обкрадываетъ народъ и отъ всей души презираетъ своего бывшего собрата. Онъ сильно сколачиваетъ копѣйку, хотя уже много серебряныхъ рублей лежитъ въ его окованномъ сундукѣ, на которомъ онъ примостилъ себѣ перину и дрыхнетъ въ ожиданіи кондрашки. Онъ весь преданъ тому сорочьему инстинкту, который медицина должна была-бы причислить къ самому неизлѣчимуому роду сумасшествія: каждая новая копѣйка высчербливаетъ у него часть души и въ сердце его въѣлась безвозвратно та гнусная болѣзнь, о которой такъ удачно сказалъ Ювеналь: *crescit amor nummi quantum ipsa pecunia crescit*. Прощай че-

ловѣкъ! остался толстый мѣшокъ, наполненный жиромъ и имѣющій свойство всасывать деньги.

Кто наблюдалъ надъ жизнью простаго народа, тотъ знаетъ какъ неизбѣженъ такой законъ превращенія и какъ быстро звѣрство одолеваетъ крестьянина, избавленнаго отъ необходимости личнаго физическаго труда и незнакомаго съ трудами умственной жизни. Могучая природа его тѣла, взлѣянная на русской печи и русскомъ морозѣ, продолжаетъ вырабатывать все новыя и новыя силы, которыя, за неимѣниемъ расхода на трудъ, обращаются въ жиръ, потопляющій и глаза его, и сердце, и мозгъ.

Можетъ быть и другаго рода превращеніе, которое, по нашему мнѣнію, ни чѣмъ не хуже перваго: внезапно разбогатѣвшій крестьянинъ, если его натура пошире и сердце поблагороднѣе, можетъ вовсе бросить трудъ и, что называется, закутить. Быстро исчезнетъ съ него тогда человѣческій обликъ: обрюзгая, посинѣвшая физіономія, губы красныя, какъ огонь, и мутные глаза выразятъ въ тѣлесныхъ формахъ неутолимую тоску его души.

Эти два превращенія, которыя въ такихъ рѣзкихъ формахъ высказываются въ простомъ быту, идутъ и выше — гораздо выше! Формы мѣняются, но смыслъ остается тотъ-же.

Если духовныя силы, вызывающія свободную дѣятельность человѣка на новый серьезный трудъ, духовный болѣе прежняго, не растутъ вмѣстѣ съ матеріальными средствами удовлетворять своимъ нуждамъ и прихотямъ; то не только нравственное достоинство человѣка, но и счастье его понижаются по мѣрѣ увеличенія его богатства, будетъ-ли онъ прибавлять капиталы къ капиталамъ или растрачивать ихъ на наслажденія, будутъ-ли этими наслажденіями простая сивуха или шампанское, орловскій рысакъ или балетная знаменитость. Богатство растеть безвредно для человѣка тогда только, когда вмѣстѣ съ богатствомъ растутъ и духовныя потребности человѣка, когда и матеріальная, и духовная сфера разомъ и дружно рас-

ширяются передъ нимъ. Большая разница въ томъ, понадобится-ли разбогатѣвшему крестьянину книга, рояль, картина, или тонкое сукно и тонкое вино; захочетъ-ли онъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ или заведетъ себѣ любовницу; будетъ-ли побуждать его къ новому труду желаніе расширить сферу своей общественной дѣятельности или желаніе затащить еще тысячу въ свой сундукъ. Вотъ почему, по-крайнѣй-мѣрѣ, наравнѣ съ заботами политической экономіи добывать бархатъ, тончайшія сукна и золотыя кисеи, должны идти заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи народа, о его христіанскомъ образованіи, иначе всѣ эти кисеи и бархаты не увеличатъ массы счастья, а, напротивъ, уменьшатъ его. Но для чего-же вся эта промышленная сумятица, если не для счастья? Не для того-же, конечно, чтобы доставить политико-эконому и статистику удовольствіе считать число фабрикъ и тюки товаровъ. Роскошь, которая въ послѣднее время такъ быстро начала распространяться между всѣми сословіями, и которой такъ радуются иные статистики, политико-экономы и фабриканты, также быстро можетъ съѣдать нравственность и счастье людей.

Роскошь развиваетъ фабрики, фабрики развиваютъ роскошь; капиталистъ сколачиваетъ новые капиталы; не капиталистъ бѣется изъ всѣхъ силъ и лезетъ въ долги, чтобы не отстать въ роскоши отъ капиталиста; человѣкъ вертится на своемъ бархатномъ креслѣ, придумывая какъ-бы добыть бархатныя драпри; потребность большихъ и большихъ капиталовъ для всякаго самостоятельнаго производства увеличивается; число самостоятельныхъ производствъ уменьшается; одна громадная фабрика поглощаетъ тысячи маленькихъ и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ поденщиковъ; одинъ дурѣетъ отъ жиру, другой дичаетъ отъ нищеты; одного губить богатство, другаго крайняя бѣдность превращаетъ въ машину, тотъ и другой приближаются къ состоянію животному; а новыя потребности, создаваемые ежеминутно промышленностью, увеличиваютъ число недовольныхъ жизнью. Такимъ путемъ идетъ

экономическое развитіе общества, *не опирающееся на духовномъ и нравственномъ развитіи его содержанія и формы.*

Такъ начерталъ Господь законъ свободнаго труда и во внѣшней природѣ, и въ самомъ человѣкѣ, въ его тѣлѣ, сердцѣ и умѣ. Высылая человѣка на трудъ, Творецъ сдѣлалъ трудъ необходимымъ условіемъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, и самое счастье человѣка поставилъ въ неизбежную зависимость отъ личнаго труда. Карая, Господь сострадалъ своему созданію; посылая смерть, полагалъ сѣмена новой жизни. «Трудись!» сказалъ Онъ человѣку, и въ этомъ словѣ выразилась вся неполнота падшей природы человѣка и все достоинство его земной жизни. Трудъ сдѣлался отличительнымъ признакомъ сына земли, знакомъ его паденія и указаніемъ пути къ совершенствованію, признакомъ безсилія и залогомъ силы, цѣпью, накинутаю природою на человѣка и уздою въ рукахъ человѣка для обузданія самовластія природы, клеймомъ рабства и печатью свободы; жизнь и самое счастье стали трудомъ; но за то въ трудѣ-же нашелъ человѣкъ и жизнь, и единственно-достойное его счастье.

Мы не будемъ указывать на всѣ послѣдствія, вытекающія изъ такого психическаго значенія труда — ихъ безконечное множество; но припомнимъ только тѣ изъ нихъ, которыя прямо относятся къ дѣлу воспитанія.

Меркантильное направленіе нашего вѣка, постоянно усиливающее свой натискъ, проникло не только во всѣ слои общества, во всѣ сферы жизни;—но даже въ науку и въ школу. Такъ называемыя «humaniora», науки философскія и историческія, замѣтно уступаютъ свое мѣсто наукамъ промышленнымъ, имѣющимъ своею цѣлью распложеніе матеріальныхъ потребностей человѣка и отысканіе средствъ къ ихъ удовлетворенію. Философія, еще недавно игравшая такую важную роль въ умственномъ образованіи Европы, сошла съ перваго плана и уступила свое мѣсто безобразному ученію материалистовъ, силящихся создать систему, въ которой могъ-бы

найти успокоеніе человѣкъ, позабывшій въ промышленныхъ хлопотахъ, что у него есть душа. Отказавшись отъ своего достоинства, наука старается поддѣлаться подъ жизнь и становится рабою промышленности, которой прежде бросала только крупы со своего пышнаго стола. Но если промышленность будетъ вести за собою науку, то по чьимъ-же слѣдамъ сама промышленность будетъ идти? Куда приведетъ она человѣка?

Неужели въ быстромъ передвиженіи на паровозахъ и пароходахъ, въ мгновенной передачѣ извѣстій о погодѣ или о цѣнѣ товаровъ черезъ электрическіе телеграфы, въ износѣ возможно-большаго количества тончайшихъ бархатовъ и толстѣйшихъ трико, въ истребленіи благовонныхъ сигаръ и смердящихъ сыровъ откроетъ человѣкъ наконецъ назначеніе своей земной жизни? Конечно, нѣтъ. Окружите человѣка всѣми этими благами и вы увидите, что онъ не только не сдѣлается лучше, но даже не будетъ счастливѣе и, что нибудь одно изъ двухъ, или будетъ тяготиться самою жизнью, или быстро пойдетъ понижаться до степени животнаго. Это нравственная аксіома, изъ которой не вывернуться человѣку. Зерно его существа, — бессмертный духъ его требуетъ иной пищи и, не находя ее, или томится голодомъ, или покидаетъ человѣка заживо. Только религія, съ одной стороны, сердцемъ человѣка рѣшающая мировые вопросы, и наука, съ другой, въ высшемъ, безкорыстномъ, философскомъ своемъ значеніи — могутъ открыть и на землѣ пищу бессмертному духу человѣка. Вотъ почему всякая школа, позабывшая изреченіе Спасителя: *»не о хлѣбѣ единомъ живъ будешь»*, и приготавливающая человѣка только къ матеріальной жизни, какъ-бы утонченна эта жизнь ни была, и сколько-бы не требовалось для нея познаній, не выполняетъ своего назначенія: она не приготавливаетъ человѣка къ жизни, но на первыхъ-же шагахъ сбиваетъ его съ настоящей дороги. Всякая школа, прежде всего должна показать человѣку то, что въ немъ есть самаго драгоцѣннаго, заставить его познать себя частицей Безсмертнаго и живымъ органомъ міроваго, духовнаго разви-

тія человѣчества. Безъ этого всѣ фактическія познанія — иди они даже до глубочайшихъ математическихъ или микроскопическихъ изслѣдованій—не только не принесутъ пользы, но положительный вредъ самому человѣку, хотя можетъ быть и сдѣлаютъ его полезной, а иногда и очень вредной машиной въ общественномъ устройствѣ.

Другое, не менѣе важное для педагогики послѣдствіе, вытекающее изъ психическаго значенія труда, состоитъ въ томъ правилѣ, что воспитаніе не только должно развить разумъ человѣка и дать ему извѣстный объемъ свѣдѣній; но должно зажечь въ немъ жажду серьезнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойною, ни счастливою. Потребность труда, какъ мы видѣли уже, врождена человѣку; но она удивительно какъ способна разгараться или тухнуть, смотря по обстоятельствамъ, и въ-особенности сообразно тѣмъ вліяніямъ, которыя окружаютъ человѣка въ дѣтствѣ и въ юности.

Чтобы человѣкъ искренно полюбилъ серьезный трудъ, прежде всего должно внушить ему серьезный взглядъ на жизнь. Трудно представить себѣ что-нибудь противнѣе цѣли истиннаго воспитанія, какъ тотъ легкій, шутовской отгѣнокъ, который придаютъ ученью и даже вообще воспитанію нѣкоторые педагоги, желающіе позолотить для дѣтей горькую пилюлю науки, Шутовство и безъ того въ послѣдніе годы завладѣло бесѣдами почти всѣхъ слоевъ такъ называемаго образованнаго общества; и безъ того серьезный разговоръ въ гостинныхъ и даже въ домашнихъ дружескихъ кружкахъ сдѣлался почти невозможнымъ или, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ то страннымъ и неприличнымъ. Люди образованные или имѣющіе претензію на образованность стараются о самыхъ серьезныхъ вещахъ говорить шутя, и предметъ разговора долженъ быть уже слишкомъ ничтоженъ, какойнибудь новый фасонъ платья или какоенибудь событіе преферанса, чтобы о немъ позволялось говорить въ обществѣ серьезно. Не только серьезный разговоръ, но даже серьезный взглядъ на жизнь считается неприличнымъ, и чело-

вѣкъ, встрѣчаясь съ другимъ человѣкомъ, прежде всего старается надѣть на себя шутовскую маску. Свѣтскіе и полусвѣтскіе молодые люди, еще не оставившіе учебной скамейки, какъ будто боятся говорить серьезно о томъ, чему ихъ учатъ, и, поддѣлываясь подъ тонъ людей взрослыхъ, слегка третируютъ и своихъ наставниковъ и предметы своего ученья, позволяя себѣ говорить серьезно только о папиросахъ или перчаткахъ.

Мы не будемъ докапываться, откуда проистекаетъ такое требованіе шутовства въ обществѣ, — отъ долговременнаго ли отсутствія всякихъ серьезныхъ интересовъ въ нашей общественной жизни, отъ вліянія ли французскаго воспитанія, выработывающаго до-сихъ-поръ корифеевъ нашего большаго свѣта, или даже отчасти и отъ всеобщаго, слишкомъ уже пересоленнаго юмористическаго направленія литературы — скажемъ одно, что такая всеильная мода шутовства не только не способна поддержать общественныхъ отношеній; но дѣйствуетъ чрезвычайно опустошительно, изгоняя изъ общества всякое разумное содержаніе.

Дѣльное воспитаніе должно бороться съ такимъ достойнымъ сожалѣнія направленіемъ общества и дать молодымъ людямъ положительно-серьезный взглядъ на жизнь. Учить играя можно только самыхъ маленькихъ дѣтей до семилѣтняго возраста, далѣе наука должна уже принимать серьезный, ей свойственный тонъ. Мы не говоримъ о педантизмѣ, о суровости; но даже прежняя педантическая, отталкивающая важность приносила менѣе вреда, чѣмъ завитая, смѣющаяся сама надъ собой модная педагогика. Нынче часто боятся испугать мальчика серьезною миною науки; но еще болѣе должно бояться, чтобы онъ не научился презирать ее и третировать ее слегка. Смѣлость прійдетъ со временемъ; но зерно презрѣнія къ наукѣ, посѣянное въ дѣтскомъ сердцѣ, приноситъ самые гибельные плоды. Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу молодыхъ людей, которые еще недавно и учатся; но уже научились презирать ученье и, издѣваясь надъ тѣми наставленіями, которыя оно подаетъ, прислушиваться только къ наставленіямъ свѣта.

Откуда-же все это берется? Еще недостаточно, чтобы самъ наставникъ смотрѣлъ на свой предметъ и говорилъ о немъ серьезно, чтобы онъ приступалъ къ своему дѣлу съ полнымъ сознаниемъ важности его значенія, должно еще, чтобы начальники заведеній, сами родители и всѣ взрослые люди, окружающіе дитя смотрѣли съ уваженіемъ на его дѣтскія усилія пройти съ помощью наставника гигантскую дорогу, пройденную человѣчествомъ. Какъ яда, какъ огня надобно бояться, чтобы къ мальчику не забралась идея, что онъ учится только для того, чтобы какъ нибудь надуть своихъ экзаменаторовъ и получить чинъ, что наука есть только билетъ для входа въ общественную жизнь, который слѣдуетъ бросить или позабыть въ карманѣ, когда швейцаръ пропустилъ уже васъ въ залу, гдѣ и прошедшій безъ билета или съ фальшивымъ или чужимъ билетомъ смотритъ съ одинаковой самоувѣренностью. Но сознайтесь откровенно, читатель, не случилось-ли вамъ встрѣчаться въ жизни съ такими взглядами на ученье?

Въ учебную и воспитательную пору возраста ученье и воспитаніе должны составлять главный интересъ жизни человѣка, но для этого воспитанникъ долженъ быть окруженъ благопріятною сферою. Если-же все, что окружаетъ дитя или молодого человѣка, тянетъ его отъ ученья совершенно въ противоположную сторону, тогда напрасны будутъ всѣ усилія наставника внушить ему уваженіе къ ученію. Вотъ почему воспитаніе такъ рѣдко удается въ тѣхъ богатыхъ, великосвѣтскихъ домахъ, гдѣ мальчикъ, вырвавшись изъ скучной классной комнаты, спѣшитъ готовиться на дѣтскій балъ или на домашній спектакль, гдѣ ждутъ его гораздо болѣе живые интересы, преждевременно завладѣвшіе его юнымъ сердцемъ; или въ кабинетѣ папаши, гдѣ идутъ серьезные толки о новомъ рысакѣ и гдѣ грамматика или исторія также на мѣстѣ, какъ лапотъ нищаго въ великолѣпной гостиной. Жалка участь учителя въ такомъ домѣ: если и не смѣются надъ нимъ явно, то, по крайней-мѣрѣ, не уважаютъ; а дѣти скоро разглядываютъ это не-

уваженіе, хотя оно полузакрывается личиной вѣжливаго обращенія, и скоро постигаютъ, что ученіе и учителя изобрѣтены собственно для дѣтей, а для большихъ есть кое-что получше. Несравненно успѣшнѣе идетъ воспитаніе въ тѣхъ простыхъ домахъ, гдѣ родители смотрятъ на него, какъ на свѣтъ, котораго они къ-сожалѣнію лишены, но который хотятъ дать своимъ дѣтямъ; но такихъ домовъ уже не много: почти вездѣ видятъ въ образованіи средство для службы или для пріисканія выгоднаго жениха, — билетъ для выхода на общественную сцѣну.

Но воспитаніе не только должно внушить воспитаннику уваженіе и любовь къ труду; оно должно еще дать ему и привычку къ труду; потому-что дѣльный, серьезный трудъ всегда тяжелъ. Для этого есть много средствъ; мы перечислимъ изъ нихъ нѣкоторые:

Преподаваніе всякаго предмета должно непременно идти такимъ путемъ, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могутъ одолѣть его молодыя силы. Леча больного, докторъ только помогаетъ природѣ; точно также и наставникъ долженъ только помогать воспитаннику бороться съ трудностями постиженія того или другаго предмета; не учить, а только помогать учиться. Метода такого вспомогательнаго преподаванія, кромѣ многихъ другихъ достоинствъ, имѣетъ еще главное то, что она, пріучая воспитанника къ умственному труду, пріучаетъ и преодолѣвать его тяжесть такого труда и испытывать тѣ наслажденія, которыя имъ доставляются. Умственный трудъ, едва-ли не самый тяжелый трудъ для человѣка. Мечтать — легко и пріятно; но думать — трудно. Не только въ дѣтяхъ, но и во взрослыхъ людяхъ мы чаще всего встрѣчаемся съ лѣнностью мысли. Мальчикъ скорѣе готовъ проработать физически цѣлый день или просидѣть безъ мысли надъ одной и той-же страницей нѣсколько часовъ и вы зубрить ее механически, нежели подумать серьезно нѣсколько минутъ. Мало того: серьезный умственный трудъ утомляетъ непривычнаго

человѣка быстрѣе, чѣмъ самый сильный трудъ физическій. Это явленіе объясняется физиологическими законами работы нервного организма и возстановленія его силъ, такъ дорого обходящихся экономіи тѣла. Но если не нужно надрывать силъ человѣка въ умственной работѣ; то необходимо не давать имъ засыпать, необходимо пріучать ихъ къ этой работѣ. Организмъ человѣка долженъ пріучаться къ умственному труду по немногу, осторожно; но, дѣйствуя такимъ образомъ, можно дать ему привычку легко и безъ всякаго вреда для здоровья выносить продолжительный умственный трудъ. Вмѣстѣ съ этой привычкой трудиться умственно пріобрѣтается и любовь къ такому труду или, лучше сказать, жажда его. Человѣкъ, привыкшій трудиться умственно, скучаетъ безъ такого труда, ищетъ его и, конечно, находитъ на каждомъ шагу.

Самый отдыхъ воспитанника можетъ быть употребленъ съ большою пользою въ этомъ отношеніи. Отдыхъ послѣ умственного труда нисколько не состоитъ въ томъ, чтобы ничего не дѣлать; а въ томъ, чтобы перемѣнить дѣло: трудъ физическій является не только пріятнымъ, но и полезнымъ отдыхомъ послѣ труда умственного. Польза такого употребленія отдыха очень вѣрно понята во многихъ закрытыхъ заведеніяхъ Германіи, гдѣ воспитанники въ свободное отъ ученія время съ величайшею охотою занимаютъ нарочно для того придуманными работами: хозяйственными хлопотами, уборкой классныхъ комнатъ, обработкой сада или огорода, столярнымъ и токарнымъ мастерствомъ, переплетеніемъ книгъ и т. п. Въ выборѣ этихъ занятій не должно противорѣчить никакимъ безвреднымъ склонностямъ воспитанника, и тогда самое занятіе будетъ дѣйствительнымъ и полезнымъ отдыхомъ. Конечно, смотря по возрасту, должно быть дано время и для игръ; но чтобы игра была настоящею игрою, для этого должно, чтобы ребенокъ никогда ею не пресыщался и привыкъ, мало-по-малу, безъ труда и принужденія покидать ее для работы. Болѣе всего необходимо, чтобы для воспитанника *сдѣлалось невозможнымъ* то лакейское

препровожденіе времени, когда человѣкъ остается безъ работы въ рукахъ, безъ мысли въ головѣ; потому-что въ эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность. А такое препровожденіе времени весьма обыкновенно во многихъ закрытыхъ общественныхъ заведеніяхъ, равно-какъ и во многихъ семействахъ, гдѣ дѣти и молодые люди, оставя учебныя занятія, рѣшительно не знаютъ, что съ собою дѣлать и мало-по-малу, привыкаютъ *убивать* время. Эта привычка, пріобрѣтенная еще въ юности, находитъ потомъ себѣ обильную пищу въ обществѣ, которое обыкновенно дружно и изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, какъ-бы *доканать* время: какъ будто его дано человѣку слишкомъ много!

Но не только за дверьми класса, часто и въ самомъ классѣ научаются воспитанники *убивать* время. Учитель толкуетъ новый урокъ: ученики, зная, что найдутъ этотъ урокъ въ книгѣ, стараются только смотрѣть на учителя и не слышатъ ни одного слова изъ того, что онъ говоритъ. Толкуя въ двадцатый разъ одно и то же, учитель естественно не можетъ говорить съ тѣмъ одушевленіемъ, которое симпатически пробуждаетъ вниманіе слушателей; а между-тѣмъ онъ не имѣетъ никакой методы, которая помогала-бы ему испытывать и поддерживать это вниманіе. Онъ заботится только о томъ, чтобы большинство его учениковъ знало предметъ; а какъ пріидетъ къ нимъ это знаніе,—для него совершенно все равно. На другой день учитель спрашиваетъ урокъ одного, двухъ, трехъ, а остальные въ это время считаютъ себя свободными рѣшительно отъ всякаго дѣла. Такимъ образомъ проводитъ иной счастливый мальчикъ большую часть дней цѣлой недѣли и пріобрѣтаетъ гнусную привычку оставаться цѣлые часы, ничего не дѣлая и ничего не думая. Надѣяться на самый интересъ и занимательное изложеніе предмета можно только, и то не всегда, въ университетахъ; но въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ нельзя ожидать, чтобъ ученикъ самъ увлекался предметомъ; но должно имѣть методу, которая помогаетъ учителю держать вниманіе

всѣхъ своихъ слушателей постоянно въ возбужденномъ состояніи. Не споримъ, что это трудно и для учителя и для ученика; но лучше сократить время классовъ на половину. Мы постараемся вскорѣ изложить нѣкоторые приемы такой методы возбужденія класснаго вниманія; но здѣсь скажемъ только, что ни одинъ наставникъ не долженъ забывать, что его главнѣйшая обязанность состоитъ въ приученіи воспитанниковъ къ умственному труду и что эта обязанность болѣе важна нежели передача самаго предмета.

Такимъ образомъ, воспитаніе должно неусыпно заботиться, чтобы, съ одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себѣ полезный трудъ въ мірѣ, а съ другой —, внушить ему неутомимую жажду труда. Чѣмъ обезпеченнѣе будущее состояніе воспитанника, чѣмъ менѣе предвидится для него насущныхъ потребностей, вызывающихъ по неволѣ на трудъ, тѣмъ болѣе долженъ расширяться передъ нимъ горизонтъ міра, въ которомъ для всякаго, кто понимаетъ назначеніе жизни человѣка и научился сочувствовать интересамъ человечества, найдется довольно почтеннаго и полезнаго труда. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ выше, тѣмъ духовнѣе, тѣмъ болѣе философское должно быть его образованіе, чтобы онъ умѣлъ сыскать себѣ достойный трудъ по сердцу. Бѣдняка трудъ и самъ найдетъ: довольно если онъ будетъ готовъ его выполнить.

Возможность труда и любовь къ нему — лучшее наслѣдство, которое можетъ оставить своимъ дѣтямъ и бѣдный и богачь.

Трудъ, конечно, бремя, но бремя, безъ котораго возможное соединеніе человѣческаго достоинства и счастья невозможно, — бремя, которое долженъ нести человѣкъ, если хочетъ прійти къ тому невозмутимому спокойствію, къ которому призываются только *трудящіеся и обремененные*.

КОНСТАНТИНЪ УШИНСКІЙ.
